

БОСПОРСКАЯ КАВАЛЕРИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.

На рубеже н.э., в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в составе боепорской армии происходят существенные изменения, связанные с влиянием на ее вооружение и тактику соседних сарматских племен. В частности, возрастает значение конницы, ударной силой которой становится панцирная кавалерия - катафрактари¹. Отдельные элементы вооружения таких конных воинов (панцирь, тяжелое копье, длинный рубящий меч, лук "гуниского" типа) сформировались в поволжско-среднеазийском регионе². Начало распространения их в Прикубанье и на Боспоре можно связать с аспургянами, расселившимися на землях между Фанагорией и Горгиппией (Strabo. XI 2,11; XII 3,29), скорее всего, в правление Асандра³. Очевидно, именно включение этих выходцев из сарматской кочевой среды в состав военных сил Боспора способствовало изменению структуры и вооружения местной кавалерии.

В данном отношении представляет интерес найденная в районе Темрюка стела Матиана, сына Зандара (рис. 1), поставленная от имени царицы Динамии "памяти ради"⁴. Скорее всего, она принадлежала одному из вождей аспургян, т.к. для Боспора это уникальный случай постановки надгробия от имени царствующего лица, что предполагает особые заслуги погребенного и особый характер отношений с правящим домом. В верхней части стелы находится тщательно проработанный рельеф с изображением всадника. Это работа явно не рядового мастера, сумевшего передать ряд деталей этнографического характера: высокие кожаные сапоги на погах воина, подстриженную "городками" гриву и нахвостник у лошади. Последние особенности определенно связаны с восточной кочевой средой и не привнесены на Боспоре. Так стрижка гривы "городками" кроме рассматриваемого рельефа отмечена лишь на одном из надгробий⁵ и в росписях более поздних пантикапейских склепов II в. н.э. (Ставовский склеп 1872 г. и склеп 1873 г.)⁶. Указанием на ближайший к границам царства регион, где была распространена такая мода, служит гравированный рисунок на северо-восточном сосуде из погребения середины I в. у с. Косика Астраханской области, где эта деталь имеется⁷. Круг более ранних аналогий подобного рода гораздо шире - от Пазырыка до Китая⁸. Для данного ареала характерны и кожаные нахвостники⁹. Помимо стелы Матиана, они представлены на нескольких боспорских надгробиях с изображениями всадников¹⁰.

Значительный интерес представляет вооружение всадника на стеле Матиана. В частности, в настоящее время это самое раннее изображение катафрактария в боспорском искусстве. Облаченный в короткий панцирь с разрезом, он держит в левой руке конский повод, а правой придерживает длинное копье, которое не поместилось в поле рельефа и частично вышло за его пределы. Любопытно, что копье в данном случае опирается на четко показанный горизонтальный выступ седла, очевидно, имевшего деревянную основу¹¹.

С правой стороны у всадника приторочены лук "гуниского" типа со спущенной тетивой и колчан для стрел. Таким образом, теперь можно говорить, что подобные луки появляются на Боспоре уже к началу н.э., как и в зоне азиатских степей¹², а не позднее¹³. Составные луки "гуниского" типа с костяными накладками имели большие размеры, негнущуюся рукоять и эластичные плечи, что увеличивало их дальность стрельбы. Их изображения на боспорских фресках и рельефах¹⁴ показывают, что здесь они носились таким же образом, как и в среднеазийском регионе - у поздних парфиян и персов сасанидского периода¹⁵, т.е. на правом бедре, со спущенной тетивой, в колчане с отделением для стрел или длинным узким чехле, перевязанном ремнями. Видимо, это было вызвано соображениями удобства и необходимостью сохранения упругости длинного составного лука.

Интересно отметить, что все этнографические детали, присутствующие на стеле Матиана, мы находим и в изображении конного воина с оруженосцем на фреске пантикапейского склепа Аифестерия, сына Гегесиппа (рис. 2), который принято датировать последними десятилетиями I в. до н.э. или началом следующего столетия¹⁶. Таким образом, вполне допустимо говорить о том, что тут был захоронен выходец из аспургянской знати, и, видимо, это был далеко не единственный ее представитель, удостоившийся погребения в пантикапейском некрополе. Обращает на себя внимание открытие в ближайшем соседстве со склепом Аифестерия еще двух погребальных памятников (склеп Алкима, сына Гегесиппа, и склеп 1891 г.), демонстрирующих "поразительно сходство" с ним по архитектуре, особенностям стиля и живописи¹⁷. Если наши наблюдения верны, то аспур-

гипотезе достаточно быстро адаптировалась к местному варианту позднесарматской цивилизации. Данное обстоятельство неизбежно должно было иметь определенные последствия для развития военного дела Боспора, особенно после прихода к власти представителя новой, сарматской династии - Аспурга (14-38 гг. н.э.), очевидно, предоставившего режим наибольшего благоприятствования для своих соотечественников.

Формирование отрядов катафрактов из состава боспорских горожан, видимо, началось несколько позднее, когда события, связанные с войной Митридата VIII против римлян и своего брата Котиса в 45-49 гг. н.э., наглядно показали всю сложность ведения военных действий без помощи союзной конницы в условиях пограничных областей Боспора. Это нашло свое отражение в сюжетах многочисленных надгробных рельефов из некрополей Пантикалея и других городов. Впрочем, не отмечено ни одного случая, когда бы умерший был представлен в тяжелом защитном вооружении. В данном случае можно согласиться с мнением В.Ф. Гайдукевича о том, что "надгробные рельефы изображают воинов не в походно-бытовой обстановке, а в парадном виде воина-героя, победителя, выступающего перед зрителем без полного набора ратных доспехов"¹⁸. Отдельные компоненты их в виде шлема и (гораздо реже) панциря встречаются только в изображениях конных оруженосцев или слуг, как правило, сопровождавших тяжеловооруженных всадников и, очевидно, перевозивших часть их снаряжения. По-видимому, это делалось, чтобы не утомлять коня катафрактия излишней тяжестью до боя. В этой связи заслуживает внимания сообщение Аммиана Марцелина о том, что сарматы обычно ведут "в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы пересаживаясь с одной на другую, сохранять силы коней..." (Аmm. Marc. XVII 12, 3). Именно такую картину мы видим на рельефе надгробной стелы Юлия Патия¹⁹, где всадник в острокопечном шлеме, с большим горитом за спиной, держат поводья другой лошади; рядом еще одна, сады - жеребенок.

Для создания катафрактовой конницы на Боспоре были необходимы разведение и отъездка рослых коней²⁰. По-видимому, они попали на Боспор из Средней Азии при передвижении сарматских племен. В пользу этого свидетельствует очевидная близость пород лошадей на боспорских рельефах и фресках, с одной стороны, и синхронных памятниках среднеазиатского изобразительного искусства, с другой²¹. Отмеченные наблюдения вполне согласуются с мнением гиннологов, допускающих влияние среднеазиатских лошадей на развитие коневодства в Северном Причерноморье.

Рис. 1. Надгробие Митриана, сына Зентара, из собрания Таврического музея.

Рис. 2. Фрагмент росписи скелета Анфиестерии с изображением всадника.

рыс²². В данном отношении интересно иранское имя Аспург, которое носил основатель династии Тибриен-Юлиен на Боспоре. Оно означало "имеющий мощных копей"²³.

Лонгади лучших пород, очевидно, занимал достаточно высокое положение при дворе (КБН. 942). Можно предположить, что на Боспоре, как и в царстве Селевкидов, существовали конные заводы, где содержались племенные животные, жили объездчики лошадей и люди, обучающие обращению с тяжелым всадническим вооружением (Ср.: Strabo. XVI 2, 10).

Действительно, на многих надгробных рельефах мы видим крепких породистых скакунов, способных выдержать вес тяжеловооруженного воина и конской катафракты. Такими конями могли обладать только состоятельные люди, т.к. высокая стоимость хороших лошадей и тяжелых доспехов лишала малоимущие слои возможности служить в катафрактарной коннице. Тацит, описывая сарматских катафрактариев, отмечает, что тяжелые панцири "носят все вожди и знать" (Tac., Hist., I, 79).

Возрастание роли тяжелой кавалерии в боспорской армии привело к ряду изменений и в конском снаряжении. Конская узда этого времени включала затылочный, налобный, наносный, подбородочный и нащечные ремни. Для нее характерны удила, по конструкции близкие более ранним сарматским, но несколько усовершенствованные. Такие удила включали грызла, заканчивающиеся прямоугольными рамками, и двукольчатые псални²⁴. Очевидно, они использовались, прежде всего, тяжеловооруженными всадниками, т.к. позволяли усилить воздействие на лошадь. Это могло достигаться за счет крепления нащечного ремня к верхнему концу псални, а поводя - к нижнему. Таким образом, при натягивании поводя грызла давили не только на углы рта, но и на всю нижнюю челюсть лошади, вынуждая ее быстрее подчиняться всаднику, что очень важно в условиях быстрого конного боя²⁵. Такой же способ крепления поводя мы видим на известном граффито с изображением катафрактария из Дура-Европос²⁶.

Помимо быстрого управления конем для тяжеловооруженного всадника важно было удержаться на коне при столкновении с противником. Видимо, выходом в данной ситуации стало усовершенствование конструкции седла, которое должно было обеспечить устойчивую "глубокоую" посадку. Памятники боспорского изобразительного искусства демонстрируют различные типы седел римского времени. Так, на нижнем рельефе мраморной стелы сыновей Панталейонта из Горпинии (рис. 3), относящейся к рубежу н.э., показаны кони с седлами, имеющими вертикальные переднюю и заднюю луку и слегка выпуклую поверхность. При этом у первого коня из-под седла свешивается попоны со схематично переданными складками. На верхнем рельефе той же стелы, вероятно, показано такое же седло, поскольку здесь перед всадником изображен почти вертикальный, слегка загнутый внутрь передний выступ с выделенным рельефным валиком краем. Для изготовления таких седел, можно предполагать использование деревянной основы²⁷. Ближайшей аналогией для них являются массивные парфянские седла, известные по терракотам (рис. 4, 4) и рельефу рубежа н.э. в храме Баалшамна в Сна (рис. 4, 5)²⁸. Отмеченные восточные параллели можно объяснить уже упоминавшимся соседством с Горпинией аспургиян - недавних выходцев из сарматского кочевого мира.

Судя по наблюдениям автора, большинство боспорских рельефов с изображениями всадников демонстрируют другой своеобразный тип седла - с довольно массивной передней частью, завершающейся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра, и вертикальной задней лукой²⁹. Наиболее детально оно показано на фрагменте надгробия I - II вв. н.э. из собрания Темрюковского музея (рис. 2, 1-2). Судя по всему, здесь представлено кожаное набивное седло с элементами деревянного каркаса, созданное на стыке различных культурных влияний. Во всяком случае, оно не похоже на римские седла того же времени (рис. 4, 3), возможно, восходящие к кельтским прототипам³⁰ и известные по находкам их кожаной обшивки с роговидными выступами в Фалькенбурге (Голландия) и Ротвейле (Германия)³¹. Имеются явные отличия и от седел в виде вогнутой подушки с приподнятыми округлыми краями на граффито из Старой Нисы и гравированном рисунке серебряного сосуда I в. н.э. из Косики³², засвидетельствованных, все же, для Боспора на некоторых фресках и надгробных стелах³³.

Довольно часто заднюю часть седла украшали с обеих сторон три ленты, причем эта традиция, представленная и в изображениях из Косики, как и многое другое, также пришла с востока, из ко-

чей среды. Крепилось седло с помощью нагрудного и подвздошного ремней, иногда декорированных фаларами⁴⁷, и одной подпруги. Для снаряжения более многочисленной легкой конницы характерны простые седла-пононы⁴⁸, с уже рассмотренной системой крепления.

Отмеченное увеличение роли конницы в боспорской армии первых веков н.э. обусловило широкое распространение длинных всаднических мечей без металлического навершия. В I в. до н.э. такие мечи появляются в непосредственной близости от границ Боспора, в погребальных комплексах Прикубанья, связываемых с сираками⁴⁹. Начало распространения их на Боспоре можно связать с участием сираков и зорев в военно-политических событиях периода правления Фарнака (Strabo, XI 5, 8). Из существующих в этот период в сарматской среде типов мечей первоначально боспорянами, видимо, был заимствован тот, который имел прямое железное перекрестье, как это показано на единственном в данном отношении неопубликованном фрагменте известняковой стелы из Керченского музея (КЛ-1276). Скорее всего, именно такое перекрестье изобразил художник, копировавший фреску рубежа н.э. из склепа Инфестерия.

Показательно, что самая ранняя находка длинного меча на Боспоре происходит из его азиатской части. Она связана с могилкой I в. до н.э. из некрополя Фанагории⁵⁰, за которой начиналась область расселения асургиан. Длина меча около 0,75 м. Штырь рукояти заканчивается шляпкой, под которой сохранились остатки деревянного навершия. Определенный интерес представляет и находка резного костяного навершия меча⁵¹ в резиденции Хрисалиска, видимо, одного из асургианских вождей, близких к царю Асандру. Она расположена всего в 18 км к северо-востоку от Фанагории и погибла около 14/13 г. до н.э., в период борьбы понтийского царя Полемона за утверждение своей власти на Боспоре⁵².

В I – II в.в. на Боспоре и в Прикубанье господствует тип меча без металлического перекрестья, с рукоятью, плавно переходящей в клинок. Длина таких мечей - от 70 до 112 см. Они употреблялись и пешотинцами, и всадниками, но в последнем случае, видимо, обычными были мечи длиной около 1 м и более. Это обусловлено тем, что подобное оружие предназначалось для нанесения прямого рубящего удара с коня и функционально должно было быть достаточно длинным. Так, Тацит, описывая события 69 г. в Мезии, упоминает *длиннейшие* мечи сарматских всадников (Tac. Hist., I, 79). В данной связи уместно упомянуть и более ранний пример необходимости использования длинных мечей. Имеется в виду сообщение Тита Ливия о наличии в армии Селевкидов арабских воинов, сражавшихся на верблюдах и вооруженных узкими мечами 4 локтей в длину (около 1,8 м), чтобы поражать врагов даже с большой высоты (Liv. XXXVII, 40, 12).

Длина и большой вес меча обеспечивали эффективность его удара в столкновении с вражеской пехотой. Той же цели служила большая рукоять. Если такой меч держали одной рукой, то центр тяжести приближался к ней⁵³. В случае необходимости всадник мог взять меч и в обе руки (Tac., Hist., I, 79). В тех случаях, когда удавалось полностью зафиксировать длину рукояти боспорских всаднических мечей, она составляла 0,19-0,23 м, тогда как в Поволжье этот показатель, как правило, не превышает 0,15 м. Это позволяет говорить о новых элементах в конструкции и оформлении мечей, связанных именно с Боспором. В частности, отмечается особенно большое разнообразие в отношении формы и материала т.н. пуговичевидных наверший мечей. В то же время, находки соответствующих деталей сарматских мечей достаточно редки, что, очевидно, объясняется изготовлением большей части их из такого дешевого материала, как дерево. В одном случае, вероятно, считавшемся ценным калцедоновое навершие меча, помещенного в могилу, было даже склеено смолой⁵⁴. Способ крепления наверший к рукояти прослеживается по находкам из т.н. "Золотого кладбища" в Прикубанье I-III в.в. н.э. В одном случае через отверстие в наверший пропущена пластичная скобовидная заклепка, в другом - бронзовый штифт, крепившийся к обкладке штыря рукояти⁵⁵.

Штырь рукояти боспорских длинных мечей представляет собой единое целое с клинком. Он имеет прямоугольную или округлую форму и слегка суживается к концу. Иногда встречаются отверстия для крепления обкладки рукояти⁵⁶, которая, судя по остаткам деревянного тлена, обычно изготовлялась из дерева и в месте перехода к клинку образовывала короткое прямое или округлое расширение, заменявшее перекрестье. Существование его не вызывает сомнений, поскольку эта деталь оформления рукояти мечей представлена в изображении воина на расписном саркофаге 1900 г.⁵⁷ и на многих пантиккапейских надгробных рельефах⁵⁸. По форме основания клинка, если

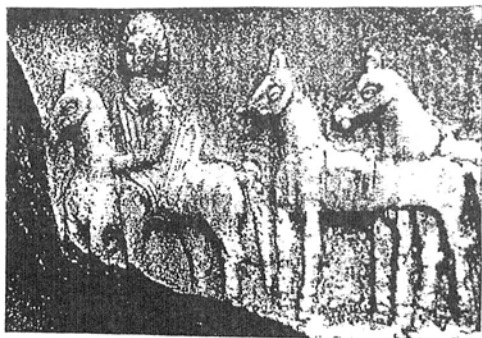

Рис. 3. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Боргинтии.

следовать классификации А.М.Хазанова, боевые мечи рассматриваемого периода относятся к двум типам: наиболее распространенному типу 2 (с треугольным основанием клинка) и сосуществующему с ним, начиная со II в., типу 3 с прямым основанием⁴⁶, использовавшемуся вплоть до середины III в.⁴⁷. В сечении клинка типа 2 - лизовидные или слегка уплощенные, с плавно сужающимся к острому кончику. Ширина их колеблется в пределах 3,5-5 см. Для типа 3 характерно сечение клинка, близкое к ромбовидному. Он более массивный, шириной 4,5-5,5 см.

Ножи мечей обычно изготавливались из дерева. Их следы часто встречаются на клинках в виде тонкого слоя отпечатков древесных волокон. На уже упоминавшемся мече из Фанагории они были окрашены в белый цвет, для сарматских известна красная окраска⁴⁸, которая могла употребляться и на Боспоре. Можно допустить, что ножи обтягивались кожей или целиком делались из этого материала.

Самый распространенный способ ношения боспорских длинных мечей - размещение их с левой стороны на портупейном ремне, прикрепленном к поясу. Для крепления могли использоваться специальные скобы из полудрагоценных камней. Не исключено, что, по крайней мере, для части боспорских портупейных скоб использовалось и дерево. Так или иначе, но их изображения присутствуют на ряде боспорских надгробий⁴⁹. Наряду с находками из корейских гробниц и кочевнических погребений Поволжья⁵⁰, они демонстрируют, что скобы, через отверстие в их центре прикреплялись в верхней части ножен, на расстоянии около 1/3 их длины от устья. В данном случае портупейный ремешок пропускался через промежутки между концами скобы и самими ножнами. В результате меч мог свободно скользить по нему, а в случае надобности - легко снимался, т.к. портупей, видимо, крепился к нему при помощи пряжки. Отмечены случаи, когда пояс и портупей для меча украшались бронзовыми и золотыми бляшками, образуя металлический набор⁵¹. Иногда меч подвешивался на ремне, перекинутом через правое плечо, как это можно видеть на одном из надгробных рельефов середины I в. н.э.⁵². Впрочем, отмечен и другой, чисто боспорский способ, когда длинный меч пристегивался к горту, рукояткой на уровне его верхнего края, как например, на стеле Феагена конца I в. н.э.⁵³, фрагментированном надгробии того же времени, обнаруженном в 1994 г. при рытье траншеи в центре Керчи и еще одной случайной находке - обломке рельефа с изображением всадника,⁵⁴ где показано крепление ножен меча к горту поперечным ремнем. Во всех отмеченных случаях ножи заканчиваются выпуклой бутеролью трапециевидной формы.

Помимо длинных мечей, обычным элементом вооружения боспорских всадников были кинжалы, большей частью имеющие перекрестие и архаичную для I-II в.в. форму кольцевого навершия⁵⁵. Длина кинжалов колеблется в пределах 0,33-0,45 м. Клинок в сечении - лизовидный без продольного ребра. Штырь рукоятки - круглый (иногда овальный) в сечении. Сама она обкладывалась деревом или обматывалась ремнем.

Ножи кинжалов изготавливались, в основном, из дерева. Они имеют различную форму: часто они повторяют очертания сужающегося клинка, иногда имеют прямоугольный контур или завершаются округлым выступом. Последняя деталь, как правило, сочетается с парными прямоугольными или полукруглыми выступами, имевшими функциональное значение. В боспорских надгробных рельефах ножи нередко показаны пристегнутыми к правому бедру кожаными ремешками⁵⁶. Этот способ не давал кинжалу бить всадника по ноге во время езды. В этом отношении, как и во многих других, боспорские следовали практике, уже сложившейся в кочевом мире евразийских степей. В свою очередь, учитывая, что большая часть находок длинных мечей и кинжалов I-III в.в. в Северном Причерноморье связана с территорией Боспора, можно говорить о значительной роли его оружейных мастерских в производстве и совершенствовании данных видов наступательного вооружения, и, соответственно, их влиянии на кочевую среду.

Одним из основных элементов в комплекте вооружения боспорской панцирной кавалерии было длинное копье. Этот вид наступательного оружия появился на Боспоре (как показывают стела Маттиана и фреска из склепа Анфестерия) достаточно рано. В последнем случае представлена сцена конного вьезда умершего, где оруженосец везет за своим хозяином копьей длиной не менее 4,5 м (если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны)⁵⁷. Такие размеры копия не должны вызывать больших сомнений, поскольку его держали двумя руками. Интересно отметить, что спустя более чем тысячу лет пик знаменитой польской кавалерии, "крылатых гусар" XVI-XVII в.в., имели именно такую длину - около 4,5-5 м⁵⁸. Специальные эксперименты показали: чтобы у-

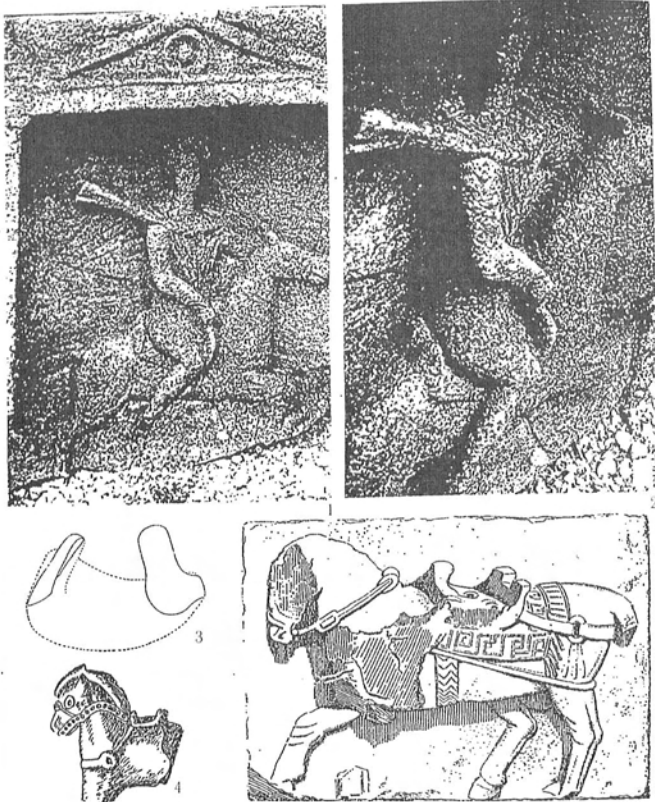

Рис. 4. 1, 2 - фрагмент надгробия I-II вв. н.э. из собрания Тельракского музея; 3 - реконструкция римского седла из Роттвейла (по А. Хайлац); 4 - терракотовая фигурка оседланной лошади из Масдрод-и-Сулейман; 5 - рельеф из храма Баалшамина в Сиве.

пешно действовать длинным копьем, даже при отсутствии стремян, нужно держать и направлять его правой рукой, тогда как в левой, поддерживающей древко для нанесения более точного удара, находится поводья³⁰. По-видимому, применялось и дополнительное крепление копыя. Вот как его описывает Гелиодор: "...копье ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе..." (Heliod., Eth., IX, 15). Для своего времени такое тяжелое всадническое копье было чрезвычайно эффективным оружием. Недаром Тацит, говоря о сарматских катафрактах, замечает: "...врядли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд" (Tac., Hist., I, 79).

В состав наступательного вооружения легкой боспорской кавалерии, помимо длинных мечей, входили дротики, луки и стрелы. Так, например, изображение дротика мы видим на стеле I - II в.в. из нимфейского некрополя, где мчавшиеся вправо вои собираются поразить им поверженного врага⁶⁷. Роль лука в вооружении боспорских воинов первых веков н.э. продолжает оставаться значительной, причем и в данном отношении Боспор не остался в стороне от тех инноваций, которые появлялись в военном деле его восточных соседей. К этому времени в зоне евразийских степей входит в употребление более совершенный по сравнению с предшествующим периодом т.н. лук "туниского" типа. Он имел достаточно большие размеры - около 1,2 м, что при наличии негнущейся рукоятки и эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальность стрельбы. Поперечное распространение с начала I в. н.э. таких луков, в сочетании с применением массивных трехлопастных наконечников стрел⁶⁸ затронуло и Боспор, тесно связанный с кочевым миром. Видимо, это было обусловлено появлением более совершенного защитного доспеха, против которого прежнее оружие подобного рода было бессильно. Помимо уже упоминавшейся стелы Матипана, такой лук изображен в руках всадника на одной из фресок склепа 1841 г.⁶⁹, а также на риде известных надгробных рельефов - таких, как стелы Афиния, Стратоника, Фарнака, Агафа и Дафия⁷⁰. На всех этих рельефах лук представлен не как обычно от всадника, в натянутом состоянии, вложенным в горнит), а на правом бедре, со спущенной тетивой, в длинном узком чехле с отделением для стрел. Отмеченные особенности, в сочетании с прямыми концами луков, убеждают в том, что они относятся к оружию именно "туниского" типа, характерного для поздних парфян и первых сасанидского периода и носившегося таким же образом⁷¹. Чем это было вызвано? Видимо, соображениями удобства и необходимостью сохранения упругости длинного составного лука.

Впрочем, и то же время на Боспоре продолжает использоваться (правда, в усовершенствованном виде) и лук т.н. "скифского" типа. Он тоже достаточно большой, но с выступающей прямой рукояткой и сильно загнутыми вперед концами. Длина таких луков, судя по памятникам боспорского изобразительного искусства, составляла не менее половины роста стрелка, т.е. около 0,9 м и более.

Стрелы I-III в.в., как правило, имели железные черешковые наконечники с треугольным или ромбическим пером. Большшей частью они крупных размеров, до 7 см в длину, но встречаются и более мелкие. Редким типом наконечников стрел являются илоские, с округло ромбическим пером и уступом у основания черешка. Они входят в употребление где-то с рубежа II-III в.в. и пока представляются только несколькими образцами из некрополя Илурата⁷².

Древки стрел изготавливались из пород деревьев, произраставших на Боспоре: вяза, березы, клена, тополя⁷³. Вряд ли они чем-то отличались от распространенных в сарматской кочевой среде. О последних мы знаем, что они имели в длину не менее 0,8 м и вырез для тетивы в основании был грушевидной формы. Если лук был достаточно мощным, такие стрелы при стрельбе наиболее совершенным "монгольским" способом могли повредить большой палец правой руки. Последним в согнутом виде натягивали тетиву, лишь помогая при этом указательным пальцем. Для защиты от травмирования применялись специальные приспособления, к которым можно отнести два массивных граничных кольца из воинского погребения второй половины II-начала III в.в. в некрополе Илурата⁷⁴.

Обращает на себя внимание незначительное количество наконечников стрел в погребениях первых веков н.э. Скорее всего, их помещение туда носило чисто символический характер. Столь же редкими являются находки остатков деревянных горнитов, обтянутых кожей. Тем не менее, форма их хорошо известна по многочисленным изображениям в росписи пантиклейских склепов и на надгробных рельефах. Детали достаточно точно передает деревянный игруешный горнит из детской гробницы середины I в. н.э.⁷⁵. На его внешней поверхности имеется боковой карман со слегка намеченными древками стрел. Судя по декору, наружная сторона оригинала горнита была дополнительно украшена металлическими накладками. Устье его расширено в соответствии с формой плеча лука, а ближе к улощенному дну внешний контур плавно сужается.

Значительный всадничий доспех первых веков н.э. представлен на Боспоре несколькими разновидностями: чешуйчатые, пластинчатые, кожаные панцири, кольчуги и боевые пояса. Все они крайне редко встречаются в погребениях, зато большей частью хорошо представлены в памятниках изобразительного искусства.

Панцири с короткими рукавами, без ворота, присутствуют на стеле Матиана и фреске из пантиканийского склепа второй половины I в. н.э., открытого А. Б.Ашиком в 1841 г.⁶⁹ Среди противников боспорцев здесь представлены два тяжелооруженных катафрактария в длинных, сильно расширяющихся от пояса книзу до шиколотки панцирях без разрезов. Высокое социальное положение этих персонажей подчеркнуто тем, что, в отличие от прочих всадников, их шлемы дополнительно украшены трехчастными эмблемами. Следует отметить, что в данном случае уже присутствует получившее позднее большее развитие стремление боспорских живописцев к максимальной фронтальности изображения социально значимых персонажей. До сих пор никто не задавался вопросом, почему на этой и других боспорских фресках во всех случаях двустороннего движения⁷⁰ всадники с копьями наперевес оказываются левшами, т.е. фигуры воинов как бы зеркально вывернуты. Только так можно было избежать их показа со спины, что конечно, нарушило бы торжественно-парадный характер росписей боспорских склепов.

Самым ранним изображением длинного пластинчатого доспеха с короткими рукавами и воротом, плотно прикрывающим шею, считается рельеф на стеле Афения, сына Мены, которую Ю.М. Десятчиков относит к первой половине I в. н.э.⁷¹ Образцы подобных панцирей фигурируют на монетах сасанидских правителей индо-иранского пограничья I в. до н.э. - I в.н.э.⁷², а панцирный ворот присутствует в изображении катафрактария на халчанском фризе, который Г.А.Пугаченка датирует временем около рубежа н.э.⁷³ Очевидно, основой такого доспеха был кожаный кафтан с разрезами, на который нашивались горизонтальные ряды прямоугольных металлических пластин. Аналогичный доспех, судя по панцирному вороту, имеют конные воины на надгробии Юлия Патия второй половины I - начала II в.н.⁷⁴

С рассмотренным вариантом доспеха можно соотнести находку в одном из богатых сарматских погребений Поволжья сусловского времени крупных железных пластин прямоугольной формы (8x12см) с пятью небольшими отверстиями в правом верхнем углу⁷⁵. Если сопоставить их размеры с доспехом катафрактария из склепа 1841 г., где показаны 23 ряда горизонтальных пластин, можно приблизительно реконструировать длину последнего. С учетом взаимного наложения пластин она составляет около 1,3 м и это выглядит достаточно реально.

Конечно, такое средство личной защиты, как длинный пластинчатый доспех, представляется слишком архаичным ввиду своей тяжести и излишней жесткости. С другой стороны, это доспех универсального типа, защищавший всадника в целом, включая бедра и ноги. Не получивший широкого распространения в практике позднеримского военного дела, он, тем не менее, существовал на Боспоре в течение нескольких столетий. Об этом свидетельствует обломок шпатулатурки красного цвета с граффито, изображающим катафрактария, из дома конца II-третьей четверти III в.в. в Иуурате, городе-крепости на западных подступах к Пантикаяю⁷⁶. Панцири в данном случае не имеют рукавов и от пояса сильно расширяются книзу. Металлические пластины, нашитые на кожаную основу, показаны обобщенно горизонтальными линиями, образующими 30 рядов, причем вертикальные грани их не прорисованы.

Наибольшее же применение получила другой тип панциря - чешуйчатый, который известен как у сарматов, так и в составе боспорского оборонительного вооружения первых веков н.э. По-видимому, он появляется на Боспоре практически одновременно с длинным пластинчатым панцирем, поскольку мы видим чешуйчатый доспех в треугольных вырезках кафтанов конных боспорских воинов на фреске из склепа 1841 г.⁷⁷ Близкой аналогией для подобного облачения является изображение сарматского всадника на сосуде из Коскии.

Широкое распространение на Боспоре получили лишь два варианта чешуйчатых панцирей. Первый, зафиксированный в росписи склепа 1872 г. II в. н.э. и на монетах периода правления Савромата II (174-210 г.г.) и Рескупорида III (211-228 г.г.) имел вид кафтана с короткими рукавами и разрезом внизу длиной почти до колен⁷⁸; под него могла надеваться кожаная рубаха. Второй вариант представлен панцирем без разреза, как правило, доходившим до середины бедра. Он присутствует на посвященном рельефе Трифона, сына Андромета, из Танаиса (около середины II в.), где панцирь подпоясан широким поясом⁷⁹.

Железные кольчуги также входили в состав комплекса защитного вооружения боспорских воинов первых веков н.э. К этому времени относятся остатки кольчуги, видимо, местного производства, найденные при раскопках Пантикаяя⁸⁰. Кроме того, с большой долей вероятности можно

предположить, что защитный доспех с короткими рукавами без разрезов и длиной до бедер, в который облачен катафрактарий на фреске из склепа 1873 г.⁸⁵, является кольчугой. В пользу этого говорит контур доспеха, переданный ярко выраженной волнистой линией и особая манера передачи его фактуры короткими сдвоенными и параллельными штрихами. Интересно отметить, что походя, с рукавами до локтя, кольчуга присутствует на рельефе с колонны Траяна⁸⁶.

Среди легковооруженных всадников, несомненно, была широко распространена в силу своей доступности защитный доспех из такого сравнительно дешевого материала как кожа, известный у сарматов. Так, Тацит упоминает сарматские панцири из самой твердой кожи (Tac., Hist., I, 79). Такие панцири давали достаточно эффективную защиту от стрел и камней, могли ослабить удар меча или копыя. Простейший тип их, видимо, представлял собой короткую куртку, которая могла дополняться носом с панцирями железными пластинками в передней части⁸⁷. Другой тип - это кожаный кафтан до колен с длинными рукавами, армированный круглыми металлическими бляхами, как на фреске Афинестрия. Остатки подобного панциря, снабженного двумя нагрудными железными бляхами-фаларами со следами позолоты были найдены в погребении Юлиа Каллисфена второй половины I в. н.э.⁸⁸.

Боспорские шлемы позднеантичного периода имели каркасную конструкцию и представляли, главным образом, двумя типами: конической и яйцевидной формы⁸⁹ в отдельных случаях с насечками и выделенной тульей. Детали конструкции каркасных шлемов, близких к использовавшимся на Боспоре, достаточно детально изображены на рельефах колонны Траяна, изображающих сарматских воинов в чешуйчатых панцирях и трофейное оружие⁹⁰. Вертикальные ребра шлемов в нижней части скреплены ободом, а в верхней - сходятся и заканчиваются небольшим шариком или пуговицей. Дополнительную прочность им придавали горизонтальные ребра, от одного до трех. На эту основу накладывались с помощью заклепок металлические пластины. Некоторые шлемы имеют панчинки, сходящиеся под подбородком, и чешуйчатую или кольчужную барницу. Интересно отметить, что точно такой же шлем защищает голову пешего воина с кошем, сопровождающего всадника на стене Менодила⁹¹. Его передняя часть, набранная из семи вертикальных полос, имеет выделенную в рельефе тулью, короткий наносник, дугообразные вырезы для глаз и округлые панчинки, соединенные подбородочным ремнем.

Что касается щитов, то они были принадлежностью только легко вооруженных всадников. Тацит, говоря о сарматских катафрактариях (то же можно сказать и о боспорских), замечает, что у них не в бычае пользоваться щитом (Tac., Hist., I, 79). Действительно, держать длинное копье двумя руками и одновременно использовать щит весьма затруднительно. В римский период на Боспоре легкой конницей использовался круглый кавалерийский щит, что в определенной степени могло компенсировать недостаток прочего защитного снаряжения. Вряд ли он получил широкое распространение, поскольку его изображение отсутствует в росписях склепов и на надгробных рельефах. Единственная находка, которую можно соотнести с кавалерийским щитом, - это умбон парадного щита конного (судя по наличию конской уздечки) воина из погребения в склепе Юлиа Каллисфена⁹². Он имеет тонкую бронзовую накладку с отчеканенным в невысоком рельефе орнаментом в виде звезды, цветов, птиц и растительных элементов. Верхняя часть умбона - конусовидной формы, выделенная узким выпуклым валиком с насечками. Ниже тулья умбона образует с полыми тупой угол. По краю умбона имеются отверстия для его крепления, в трех из которых сохранились и гвозди. Таким образом, кавалерийский щит (парма), с круглым умбоном и без него, был, несомненно, знаком боспорцам. Об этом можно судить по монетам I-II вв., где он присутствует среди прочих предметов вооружения⁹³, и терракотам-тротескам⁹⁴.

О действиях боспорской кавалерии в ходе событий военного характера, несмотря на то, что история позднеантичного Боспора была насыщена ими, свидетельствуют лишь отрывочные данные. Достаточно связной рассказ мы находим только у Тацита в его "Анналах", где повествуется о междоусобной борьбе за трон двух братьев, Митридата VIII и Котиса (Tac. Ann. XII 15-21), поддержку которому оказали римляне. Судя по всему, в боспорской армии, вооруженной по римскому образцу, еще не было отрядов кавалерии, способных противостоять сиракам всадникам, выступившим на стороне Митридата. Успешные действия в степях Приазовья смог обеспечить только союз, заключенный с враждебной сиракам мощной группировкой аорев, несомненно, располагавшей панцирной конницей. На марше союзная армия выступала в следующем порядке: в цент-

ре - римские и боспорские части, а авангард и арьергард составляли аорсы, всегда готовые принять на себя первый удар. Интересно отметить, что угата с иракской конницы приледа Митридата VIII к капитуляции, что лишний раз подчеркивает значение контингентов союзной варварской кавалерии в случае ведения масштабной войны на границах Боспора.

Боспорская война 45-49 гг. имела большие последствия не только для этнической ситуации в Северном Причерноморье, поскольку вызвала перемещение ряда сарматских племен, но и для военного дела Боспора. Видимо, в ходе войны или сразу же после нее среди зажиточной части боспорского общества получает распространение тяжелый пластичный или чешуйчатый доспех. Замещение и развитие ряда элементов наступательного и защитного вооружения были вызваны необходимостью противостоять тяжелой коннице соседних кочевых племен, что неизбежно должно было привести к использованию характерных для нее тактических приемов: 1) прорыв линии построения противника (при необходимости перестроение и вторичный удар); 2) разгром противника по частям; 3) взаимодействие тяжелой и численно преобладавшей легкой конницы (в отдельных случаях координировалось с действиями пехоты). Но если для сарматской кавалерии взаимодействие с пехотинцами это лишь эпизод, то на Боспоре этот тактический прием, очевидно, был хорошо отработан, особенно на случай столкновения с вражеской панцирной конницей. Это наглядно иллюстрирует фреска из склепа 1872 г., где боспорского катафрактария поддерживает выступающая за ним тяжеловооруженная пехота. Такой знаток военного дела, как Аммиан Марцелин, специально отмечает целесообразность размещения пехоты среди всадников в случае битвы с "закованными в железо воинами", поскольку "пехотинец в опасную минуту боя, когда все внимание сражающегося сосредоточено на противнике, незаметно подкрадываясь по земле, ударом в бок коно может свалить всадника, если тот не побережется, и без затруднений убьет его" (Amn., Marc., XVI, 21 -22).

Вероятно, именно такого рода хорошо обученная и организованная боспорская кавалерия, вооруженная по сарматскому образцу, находилась среди вспомогательных римских войск в провинции Мезия на Дунае. Она входила в состав I Боспоранской алы, размещенной здесь в период между 45 г. и 157/158 гг.⁹⁸. Поскольку последняя относилась к разряду кинегарниал ал, ее численность определяется наличием в ней 16 турм по 30 человек и 34 лошади в каждой⁹⁹. Очевидно, в случае необходимости они могли сражаться и пешими в роли лучников, как это можно видеть на рельефах колонны Траяна, имеющих отношение к военным действиям против даков в 101-102 гг.

Позднее, при императоре Адриане, в условиях участвовавших столкновений с сарматами на границах Империи, в римской армии появляется собственное подразделение катафрактариев⁹¹. В той тактике, которой с этого времени стали придерживаться римские полководцы, несомненно, был учтен и военный опыт, накопленный боспорской армией. В этом отношении интересно проанализировать написанную Аррианом "Диспозицию против алан"¹⁰⁰, отражающую события 135/136 гг., когда это сарматское племя предприняло набег на территорию малоазийской провинции Каппадокия. На марше армии рекомендуется передвигаться одной колонной, в авангарде и арьергарде которой находится кавалерия. В составе самой колонны сначала следуют чередующиеся вспомогательные пехотные и конные подразделения, причем пехота с флагов охраняется кавалерией. Отборная конница находится и в центре построения, а замыкают его тяжеловооруженная союзная пехота, конница и обоз.

Далее Арриан подробно описывает расположение армии в случае столкновения с противником, имеющим тяжелое вооружение и защитный конский доспех. Предложенная диспозиция явно рассчитана на сдерживание натиска такого рода конницы и последующего достижения перелома битвы в свою пользу. На месте сражения вся кавалерия должна была отделиться от общей линии войск и расположиться впереди и на флангах; пехота, построенная в форме полумесяца, - в центре. Воины из первых четырех рядов в случае вражеской атаки метали дротики, чтобы свалить на землю коней и сбросить всадников. Последние, если они были в тяжелом вооружении, лишались возможности снова сесть в седло. Кроме того, отражению атаки должны были способствовать боспорские и другие лучники, поставленные в девятом ряду. В заднюю конницу входило обеспечение охраны и поддержки пехоты. Конных лучников предлагалось поместить сразу за основным построением, чтобы они могли стрелять в противника через него, а тяжеловооруженных всадников - на флангах в ожидании сигнала к бою. Различные виды метательного оружия, включая баллисты и

катапульти, предназначались для того, чтобы остановить вражескую конницу. Если она поворачивала назад, надлежало выделить для ее преследования половину конницы, придав ей легкую пехоту. В случае удара по флангам вся тяжесть сражения приходилась на кавалерию, поскольку вражеские всадники могли рассеять и уничтожить пехотинцев. Все имеющиеся конные отряды перемещались на фланги и строились полумесяцем, обращенным в сторону противника.

Скорее всего, боспорская армия придерживалась тех же тактических правил. Правда, в условиях Северного Причерноморья, при преобладании открытых ровных пространств, можно предполагать большую роль военного обоза. Ставя повозки кругом по обычаю алан (Амн., Магс., XXX 2, 18-19), его могли использовать в целях эффективной обороны.

Таким образом, организация и вооружение кавалерии воздвигнутого Боспора стояли на высоком для своего времени уровне, позволявшем успешно отражать нападения воинственных сарматских племен на востоке и крымских скифов на западе, а также оказывать военную помощь приграничным районам Римской империи.

Примечания

1. Своеобразным отражением соотношения пехоты и конницы в составе боспорской армии этого времени можно считать тот факт, что с учетом выборки, сделанной по данным КБИ, среди пантикапейских мужских надгробий I-II вв. н.э. лишь около 12 % имеют сюжеты с изображениями пехотинцев, в то время как 33% - украшения рельефами с вооруженными иппиками или всадниками. Кстати, изображения всадников с конными оруженосцами, которые с наибольшей долей вероятности можно соотносить с катафрактариями, составляют только 6% от общего числа интересующих нас надгробий.
2. Халилов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 76.
3. Ся: Горюновский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже н.э. // Таманская старина. Вып. 3. СПб. 2000. С. 54 сл. В том, что аспургиане появились на Боспоре именно при Асандре, а не ранее, на рубеже II-I вв. до н.э. (Лесничков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. канд. дисс. М., 1974. С. 6; Соколовский Н.И. Таманский толчок и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89; Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65 сл.; Шукан М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 176), убеждает найденная на Таманском полуострове, в резиденции Хрисалиска, плита с надписью, упоминающей самого владельца, его покровительницу - босию Тихе и царя Асандро. Когда-то она была вмонтирована в стену на видном месте, над входом в дом. Ошибки, допущенные при изготовлении надписи, говорят о том, что обитатели крепости не до конца еще овладели греческим языком и находились на начальной стадии преобразования их в боспорцев. По вполне обоснованному мнению Н.И.Соколовского, этот Хрисалиск, хотя и носил греческое имя, происходил из среды аспургиан (Соколовский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре.// КСИИ. 1975. Вып. 143. С. 28).
4. Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщины в античном мире. М., 1995. С. 220-224.
5. Матковский Т.А. Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н.э.-II в. н.э. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1993. Вып. 10. С. 404; Табл. V: 7.
6. АДЖ. Табл. LXXV, LXXIX.
7. Дворниченко В.В., Федорин-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скелтуха I в. н.э. у с. Кюсика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 54; Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной тореатики (к открытию серии из Кюсика) // ВДИ. 1994. № 1. С. 180. рис. 7.
8. Maendchen-Helfen O. 1957. *Crenelated mure and scabbard slide* // CAJ. Vol. 3. N. 2. № 95-137.
9. Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 235, 236; Маслов В.Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. М., 1999. С. 227.
10. См., напр.: ОЖ на 1891 г., с. 64; АДЖ. Табл. LXXIV: 1-2; Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев., 1961. Рис. 55; Десятчиков Ю.М. Катафрактарий на надгробии Ареня // СА. 1972. № 4. Рис. 1-3; Савостина Е.А. Многослойные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 382. № 31, 385. № 39; 386. № 40, 41; Матковский Т.А. Ук. соч. Табл. II; 4; V: 7.
11. Это наблюдение сделано автором при осмотре надгробия в экспозиции Тирокского музея в 1999 г.
12. Халилов А.М. Ук. соч. С. 31.
13. Десятчиков Ю.М. Ук. соч. С. 72.
14. К-В-Н: 574, 626, 650; АДЖ: Табл. LXXXIX: 2; Иванова А.П. Ук. соч. Рис. 82, 89, 90; Боспорские надгробные рельефы. Л., 1990. С. 58, № 48.
15. Никиторов В.П., Худяков Ю.С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск. 1999. Вып. 2. Рис. 3, 4, 6; Nicolle D. 1996. *Sassanian armies. Deutsbury*. 1996. P. 7 ff. Fig. 1, 2, 4, 5. Pl. A-C.
16. АДЖ. С. 182. Табл. LI: 6.
17. АДЖ. С. 196.
18. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 385.
19. К-В-Н: 575.
20. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 115.
21. Ср.: Пугаченкова Г.А. Скульптура Халхалы. М. 1971. С. 71; В.Н.Папко. Старая Нуса: Здание с квадратным

- завои. М., 1996. С. 69. Табл. 45.
22. Палкин В.И. Дошапине и другие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 55. С. 46 сл.; он же. Древнее животноводство племени Восточной Еврония в Средней Азии. М. 1966. С. 89.
23. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л. 1949. С. 185.
24. Зубарь В.М., Самоненко А.В. О снаряжении боевых коней в первые века н.э. на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. К. 1984. С. 151.
25. Там же. С. 152.
26. Mielczarek M. Cataphracts and clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the Ancient World. Lodz, 1993. P. 119. Fig. 6.
27. Это отмечает Н.И.Сокольский для отдельных нагробий 1-11 вв., где "можно видеть, что у седла были твердые основа, дуга и задник" (Сокольский Н.И. Дервообработавшие ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 227; см.: К-В № 626, КТ-105, 341, 347). Для Боспора это не было нововведением, поскольку известна деревянная основа седла из погребения IV в. до н.э., хранящаяся в Эрмитаже (Эр. П. 1859.1). В этой связи можно упомянуть и более позднюю находку из погребения 5 катакомбы № 155 антикатолического некрополя, которое, с учетом присутствия в составе сопроводительных инвентаря золотой индикации неизвестной монеты царя Сауромата (IV?) и набора стеклянной посуды можно датировать временем не ранее конца III в. (Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С.190). Здесь, в носках погребенного, "лежали поперца и большое седло из дерева и кожи, украшенное по краям эмалью и позолоченными шпильками и серебристыми украшениями" (Шкорнид В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 49).
28. Ghirshman R. La selle en Iran // *Iranica Antiqua*, 1973. Vol. X. P. 103. Fig. 6; Secunda N. The Seleucid Army. Stockport, 1994. P. 78. Fig. 61.
29. См., напр.: К-В № 640; Папколевич В.Ф. Ук. соч. С. 385. Рис. 64; неопубликованные КТ-266, 370, 1986.
30. Connolly P. Greece and Rome at war. L., 1981. P. 235.
31. Connolly P. The Roman Saddle // *BAR. International Series*. 1987. № 336. P. 7 ff.; Nyland A. Training the Roman cavalry. From Arrian's *Arts Tactica*. L., 1993. P. 45-49.
32. Папко В.И. Старая Иса: Здание с квадратным залом. М., 1996. С. 69. Табл. 45; Трещетер М.Ю. Ук. соч. Рис. 1, 5, 7-11; von Gall H. Die Reiterkampfzene auf der Silberase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines inuitischen Motives in Südrussland // *Anthologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 1997. № 29. Abb. 2, 1-3 = ВДН. 1997. № 2. С. 175. Рис. 2.
33. АДЖ. Табл. LI, LXXX; Десатчиков Ю. М., Катафрактарий на нагробии Африка // СА. 1972. № 4. С. 76.
34. АДЖ. Табл. LXXXIV: 4.
35. К-В № 584, 593.
36. Марченко Н. И. Сараци Кубани. Краснодар, 1997. С. 231. Рис. 12.
37. Сокольский Н. И. Боспорские мечи. С. 155. Табл. V:1; Марченко Н.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950-1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 121.
38. Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 95. Рис. 47: 1.
39. Там же. С. 108.
40. Хазанов А.М. Ук. соч. С. 16 сл.
41. Там же. Табл. XIV: 5.
42. Пущина Н.И., Засецкая Н.П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 53. Табл. 20: 186. С. 57. Табл. 26: 247.
43. Горючаровский В.А. Погребения с оружием в некрополе Наурата // Военная археология. СПб., 1998. С. 88. Рис. 1: 10.
44. АДЖ. Табл. ХСН: 1.
45. К-В № 631, 633, 634, 640, 642, 647, 669, 670, 683, 705, 725: КТ-1986.
46. Хазанов А.М. Ук. соч. С. 17.
47. Марченко Н.И. Ук. соч. Рис. 12.
48. Хазанов А.М. Ук. соч. С. 24.
49. К-В № 647, 663: КТ-1986.
50. Хазанов, Ук. соч. Табл. XIV: 9; Табл. XV.
51. Шкорнид В.В. Ук. соч. С. 58: ОАК за 1874, С. XI.
52. К-В № 232.
53. БНР. С. 62, № 53.
54. КТ-1986, КТ-728.
55. См., например: БНР № 46-48.
56. К-В № 599, 606, 619, 627 etc.
57. Баянатицкий В.Д. Ук. соч. С. 117.
58. Mielczarek. Op. cit. P. 92.
59. Markle M.M. The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour // *AA*. 1977. Vol. 81. Nr. 3. P. 334-337.
60. БНР. С. 63. № 54.
61. Хазанов. 1971. С. 31, 154. Табл. XIX.
62. АДЖ. Табл. LXXXIX: 2.
63. К-В № 650; Иванова А.П. Ук. соч. Рис. 82, 89, 90; БНГ: 58, № 48.
64. Nicolle D. Op. cit. P. 7 ff. Fig. 1, 2, 4, 5. Pl. A-C.
65. Горючаровский В.А. Ук. соч. С. 88. Рис. 1: 7, 8.

66. Соколовский Н.И. Деревянообрабатывающее ремесло... С. 24 сл.
67. Горючаровский Ук. соч. С. 87 сл.
68. ОМЖ за 1873. С. 54. Табл. III: 8.
69. АДЖ. С. 375. Табл. LXXXVIII: 2.
70. АДЖ. Табл. LXIV: 1; LXXXVIII: 1; LXXX; LXXXVIII: 2; LXXXIX: 2.
71. Деслячкин Ю.М. Ук. соч. С. 71.
72. Горючаровский В.А., Никоноров В.П. Науритский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 206 сл. Рис. 4.
73. Пылаченко Г.А. Ук. соч. С. 16. Илл. 61,62,77.
74. Деслячкин Ю.М. Ук. соч. С. 74.
75. Шалов В.П. Калитовский курганный вождь-воин // МИА. 1959. № 50. С. 406, 462. Рис. 50: 8,18; Мазинер А.М. Ук. соч. С. 61. Табл. XXX: 12.
76. Горючаровский В.А., Никоноров В.П. Ук. соч. С. 201 сл.
77. АДЖ. Табл. LXXXVIII: 2.
78. Горючаровский В.А. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ИАВ. 1993. № 6. С. 81.
79. АДЖ. Табл. LXXXIV: 3.
80. Блаватский В.Д. Раскопки Панникаев в 1954-1958 гг. // СА. 1960. № 2. С. 179.
81. АДЖ. Табл. LXIV: 1.
82. Мазинер В.Ю. Сарматы на колонне Траяна // Материальная культура Востока. М. 1988. С. 73.
83. Горючаровский В.А. Погребения с оружием... Ук. соч. С. 86.
84. Манушенин Л.А. Кто был Каллисеян, палатный и надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. VII. С. 75.
85. К-В. № 575, 593, 594,606,618,619 etc.
86. Мазинер В.Ю. Ук. соч. С. 77 сл.
87. К-В № 593.
88. Соколовский Н. И. О боспорских цитах // КСИМК. 1955. Вып. 58. С. 19. Рис. 4,1.
89. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Каса. 1986. Табл. 14: 375-378.
90. Соколовский Н. И. Ук. соч. С. 18. Рис. 2: 4.
91. Beneš J. *Antiqua Romania in Moesia atque in Dacia* // Studie archeologického ustavu ceskoslovenske Akademie ved v Brne. 1978. Ročník VI, 2. S. 90 ff.
92. Beneš. Op. cit. S. 66.
93. Mielczarek M. Op. cit. S. 73.
94. Последний перевод "Диспозиции против озаонов" и комментарии к нему см.: Нефедкин А.К. Кампания Аристана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 173 сл.